

«ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ ВЫЗОВ» ИСТОРИИ: ОТВЕТ АРХЕОЛОГИИ.

А. П. Медведев

Воронежский государственный университет

Стремление людей знать и понимать прошлое непреодолимо, по крайней мере, с начала «осевого времени». История дает материал, который будит мысли и придает определенный смысл (а точнее – смыслы) настоящему человеческому существованию. Видимо, в этом состоит одна из важнейших социальных функций исторической науки. Сейчас в нашей стране, как никогда ранее, стало понятно, что историки сохраняют свое влияние на современников и потомков лишь тогда и потому, что формирование образа прошлого остается прерогативой их науки [1, 414]. Хотим мы того или не хотим, знания о прошлом всегда являются действительным инструментом влияния на настоящее, средством укрепления старых и способом завоевания новых позиций в настоящем [2, 112–113].

В последнее время в результате широкого распространения постмодернистской парадигмы и инициированной ею новой рефлексии базовых понятий и принципов познания прошлого не только предлагается весьма радикально изменить представления о предмете исторической науки, ее целях, гносеологических возможностях, но и о самом ее научном статусе [3, 23–31]. Постмодернистская атака на источниковедение, а это неоспоримое ядро нашей науки вновь остро поставила вопрос: имеет ли вообще история научное измерение? Поскольку история с точки зрения метода есть, прежде всего, наука поиска и интерпретации фактических данных о прошлом, полученных путем анализа источников, а для большинства историков, философов, филологов это – только тексты, то сейчас, как никогда ранее, остро встала проблема опосредования (трансформации, искажения) автором содержащейся в них информации. В этом смысле постмодернизм еще раз заставил исследователей обратить внимание на природу исторических источников, которые и поныне для большинства историков ограничиваются фондом письменных памятников.

Но, как известно, любое хорошее начинание, доведенное до абсолюта, превращается в его полную противоположность. Так, кажется, и случилось с постмодернистским подходом к тексту вообще и историческому источнику в частности. Его сущ-

ность предельно откровенно выражает афоризм одного из отцов французского постмодерна Жака Деррида: «Нет ничего, кроме текстов» [4, 313]¹.

А раз так, то дальше текста историку и нечего ходить. Некоторые сторонники постмодернистского взгляда на прошлое в принципе не отрицают существования внетекстуальной исторической реальности, но сомневаются в возможности ее познания [5, 312]. В работах Деррида и других постмодернистов произошел полный отрыв текстов, в том числе и исторических, от порождающего и развивающего их внетекстуального процесса. В результате они пришли к мысли, что история – не более чем игра сцеплений, повторов и следов, в силу каких-то причин зафиксированных в письменных источниках. За их пределами она ошибочна, фантомна [6]. Сама установка постмодернистского историописания только на тексты свидетельствует о подспудном желании отрезать исторические реалии от корней, которые они имели в прошлом.

Вскоре сторонники подобного взгляда на письменные тексты уже наперебой заговорили о «лингвистическом», «филологическом», «граммато-логическом», «семантическом», «нарративном» и прочих переворотах и даже об «эпистемологической революции» в гуманитарных науках. Все это сопровождалось попытками радикального переосмысления природы исторического источника. В последней четверти XX в. под пером философов, филологов и принявших новую парадигму не очень дальновидных историков происходит стремительная трансформация базовых концептов истории, нарастает пессимизм и скептицизм в оценке гно-

¹Этот броский афоризм может показаться оригинальным лишь тем, кто не знаком с древней восточной традицией, восходящей своими корнями к религиозно-мистической культуре первых вавилонских и египетских писцов, затем к Библии (Пс.:138), а через нее к Евангелию от Иоанна, начинающегося словом «*В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог*», и дальше к средневековой христианской традиции, в центре которой стоял единственный текст – Библия. Во Франции прямым предшественником Ж. Деррида был выдающийся историк второй половины XIX в. Н. Фюстель де Куланж, которому принадлежит девиз «Тексты, тексты, ничего кроме текстов».

сеологического потенциала вербальных источников, а значит, и самой возможности познания с их помощью прошлого. Стало модным утверждать, что историческая реальность не существует вне текста. Она не воссоздается историком на основе свидетельств источников, а конструируется им, причем это конструирование осуществляется посредством языка и по его законам. По мнению американского философа Хейдена Уайта, чья книга «Метаистория» в свое время стала знаменем не только американского постмодернизма, своеобразие исторической науки определяется, прежде всего, тем, что она строится как нарратив. По его утверждению, выстраивая свои повествования о прошлом, историки прибегают к тем же риторическим фигурам, метафорам и нарративным структурам, которые используются в литературных произведениях, как впрочем, и в любых текстах, в том числе и вымышленных [7]. Поэтому Х. Уайт утверждал право ученого находить в истории любой смысл, который все равно не будет до конца достоверным². «Следует признать тот факт, что когда дело доходит до исторического документа, то сам он не содержит никаких оснований для предпочтения одного способа реконструкции его смысла другому». Уайт сводит всю процедуру исторического исследования к «операции создания вербального вымысла» [8, 50–52]. Американский философ в принципе не отрицает существования вне текста исторической реальности. Но при этом, как он сам заявляет, его совсем не интересует адекватность исторических конструкций исследователей и реальных, имевших место событий и процессов [7, 3–5].

Так серьезная научная проблема опосредования прошлого языком и текстом исторического источника трансформировалась в «постмодернистский вызов» истории. Он сводил суть исторического знания к тому, что последнее представлено исключительно в форме текстов, которые в этом случае

² Как археолог не могу обойти молчанием один из сомнительных постулатов Х. Уайта: «изучить можно лишь то, что прежде будило воображение» (курсив мой – А.М.). А как же быть тогда с самой многочисленной категорией письменных источников – документами хозяйственной отчетности на глиняных табличках, например в Древней Месопотамии или Крито-Микенской Греции. Ведь это – скучнейшие хозяйственные записи типа бухгалтерских книг! Но именно они позволили ориенталистам понять природу древнейших восточных цивилизаций. Наконец, как быть с миллионами рядовых археологических артефактов – горшков, топоров и прочих простых орудий, которые вряд ли будили воображение их владельцев, а использовались в сугубо утилитарных целях.

оказываются «истиной в себе». При таком взгляде на нашу науку попросту не оказалось места для анализа пространства между историческим текстом и самим прошлым, которое показано в этом тексте [9, 10]. А значит, отпала всякая необходимость исследования критериев достоверности и обоснованности исторических описаний, так как они в принципе невозможны без привлечения иного внетекстового материала (внутренней критики). В конечном итоге такой подход привел к полному отрицанию не только накопленного за два столетия богатого опыта европейской исторической науки, но и существования независимой от исследователя исторической реальности.

Разумеется, для «постмодернистского вызова» гуманитарным наукам были и другие причины, в том числе социального и мировоззренческого характера, в частности, постмодернистское неприятие всякой системы и иерархии, какую сама по себе представляла конструкция всемирной истории, разработанная европейскими историками, или любая национальная история. Некоторые из них, как, например, Жан-Франсуа Лиотар [10], уверенно отнесли историю к «метарассказам» (metanarratives) – к объяснительным системам, служащим для «самооправдания буржуазного общества»³. Отсюда предлагаемая им альтернатива традиционному способу, как следует писать историю – не как широкое историческое полотно, «метанарратив», а как *petit récits*, то есть «истории» в обыденном смысле этого слова [10, 98]. Отсюда призыв к «микроистории» весьма модный в современной зарубежной и уже, отчасти, отечественной исторической науке. Поэтому во многом прав голландский философ Фрэнклин Рудольф Анкерсмит, один из ведущих теоретиков современного исторического нарратива, сравнивший труд историка-постмодерниста с увлеченным перебиранием листьев, опавших с исторического дерева, ствол и ветки которого не представляют для него более никакого интереса [11, 157]. Он писал, что если принять постмодернистскую парадигму истории, то удел историка – не поиск знания, претендующего на научность и достоверность, а повествование и рассказ, удовлетворяющий простую человеческую любознательность [12, 235–247]. Странники такого метода историописания призывают вспомнить об изначальной функции истории – рассказе о событиях. Отсюда, казалось бы, парадоксальный для нашей

³ Но историкам хорошо известны грандиозные античные «метанарративы», например, Полибия, Тацита или Аммиана Марцеллина, написанные за тысячи лет до появления буржуазного общества?

эпохи призыв вернуться назад к «отцу истории» Геродоту [13, 17–41].

Нужно признать, что постмодернисты приложили немало усилий, чтобы найти черты, роднящие историю с беллетристикой. Они активно пропагандировали далеко не бесспорную идею, что история и литература – близнецы-братья. Поэтому исторические труды – не что иное, как просто еще один вид литературного творчества. Они не заметили каких-либо существенных отличий между историческим исследованием и художественным произведением ни по форме, ни по содержанию. Надо признать, что ряд историков, пусть и с оговорками, согласились с такой оценкой их труда. По мнению Роже Шартье, путь исторической науки лежит между «рассказом» и «наукой» [14, 194–195]. Справедливости ради следует напомнить, что в западноевропейской историографии такой подход появился задолго до постмодерна. Еще Р. Дж. Коллингвуд не усматривал особой разницы между романом и историческим исследованием [15, 241–249]. Однако в последнее время появился ряд интересных работ, посвященных специфике исторического нарратива [16, 560–571; 17, 237–265; 18, 131–143]. Если литературное произведение является, прежде всего, плодом свободного художественного воображения писателя или поэта, то настоящий исторический труд – не только результат критического анализа и авторской интерпретации источников, осмысления доступных ему исторических фактов, но аккумуляция в той или иной степени опыта предшественников. Он всегда включает в себя некий концептуальный фонд, в который входят ранее установленные с полной надежностью, прошедшие проверку временем и не подлежащие уже пересмотру теоретические положения и базовые факты истории [19, 7].

В строгом смысле постмодернизм не является теорией или фило-софской системой в ее традиционном понимании. Это скорее постмодерный способ теоретизирования с набором соответствующих ему методов обоснования или даже точнее некое состояние ума [20, 460]. Более того, при чтении таких произведений на исторические темы трудно избавиться от впечатления, что мы имеем дело с выраженной «идеологией абсурда» [21]. Ничем не оправданный логоцентризм Ж. Деррида и других философов-постмодернистов, сплошной поток их «дискурса», оторванного от земных реалий, противоречит не только множеству исторических и этнографических фактов, но и здравому смыслу. Только в не очень здоровой голове могла родиться

мысль: «Нет ничего, кроме текста». На деле каждый человек, в том числе и философы, и филологи, «делом жизни которых является переводить слова в слова, тексты в тексты» (выражение Александра Эткинда), хорошо знают, что вне нарратива существуют и многие другие реальности. Тем более что в тексты даже сейчас попадает лишь малая толика того, что переживает и с чем имеет дело человек в своей повседневной жизни. Поэтому вряд ли можно согласиться с призывом «нового историзма» в лице того же Эткинда: при помощи дискурсивного анализа реконструировать «прошлое как единый, многоструйный поток текстов» [22, 12]⁴. Историк не может не заметить здесь подмены двух взаимосвязанных, но далеко не идентичных понятий – «история» и «прошлое». Ведь в конечном итоге история как наука исследует не источники, не тексты (это лишь средство), а реальные события и процессы, которые происходили в прошлом и поэтому объективно принадлежат внелингвистическому миру. Историк стремится заглянуть по ту сторону текста и разглядеть там отблески былой внетекстуальной реальности.

Объективно постмодернистский взгляд на нарративные источники только как на дискурс, как на продукт чуть ли не художественного творчества древних сочинителей фактически ведет дело к исчезновению исторической реальности как таковой. Он в принципе отрицает саму возможность сколь-нибудь достоверного познания прошлого. Более того, постмодернизм размывает границу между фактами и историческими фикциями [23, 20–21]. Акцент переносится на литературный аспект нарративных источников, на доказательство далеко не однозначного тезиса о родовой общности литературы и истории (историографии) как письма, а значит, на полную зависимость современного историка от этого дискурса, в котором зачастую невозможно отделить действительно исторические факты от вымысла, фикций [5]. Отсюда один шаг от классического постулата исторической науки воссоздания прошлого по источникам к его «деконструкции» [24, 57–98] или в лучшем случае «репрезентации» [25, 191–193]. И этот шаг был весьма решительно сделан в последние два десятилетия XX в.

Тогда постмодернистам удалось многое. Они смогли посеять у значительной части ученого сообщества, в том числе среди некоторых историков, дух сомнения в достоверности исторических зна-

⁴ Правда, в других работах этот исследователь допускает существование исторических реалий и вне текстов.

ний. Дело дошло до того, что на Международном конгрессе исторических наук в Осло в 2000 г. прозвучала мысль о невозможности дальнейшего существования истории в качестве целостного интеллектуального проекта [21]. Но, как известно, отказ от обобщающих, синтетических построений порождает фрагментарное видение прошлого, в лучшем случае «историю в осколках». В этом смысле весьма характерно название книги французского историка Франсуа Досса «L'Hisoire en miettes», которое по-русски звучит примерно как «Измельченная история» [26]. В таком случае на смену Истории закономерно приходят «истории» чуть ли не в духе геродотовых «логосов» или даже «микроистории».

Однако от того, что историк далеко не всегда узнает из текстов, как было на самом деле, еще не вытекает будто никакого «на самом деле» в принципе не существовало. В рассуждениях постмодернистов о вербальных источниках профессиональный историк опять заметит некую подмену связанных, но далеко не всегда совпадающих понятий, таких как «факт-сообщение» и «факт-событие». По утверждению А. Эткинда, с точки зрения филолога, между текстом и событием нет принципиальной разницы. Более того, для него текст сам является событием [22, 12]. Для историка же такая разница есть. Для него текст (как и любой другой источник) – лишь объект анализа с целью постижения конечного предмета его исследования – той части исторической реальности, о которой он сообщает и в которой был порожден. Историки тоже читают тексты и на опыте знают, что расстояние от первого до второго бывает очень велико. Более того, наукой история становится лишь тогда, когда добирается до фактов-событий и фактов-явлений – этих элементарных единиц прошлого – и их причиной связи. На деле же всякий исторический факт оказывается по своей гносеологической природе еще более сложным и многоступенчатым: событие или явление прошлого (то, что произошло на самом деле) – свидетельское восприятие (то, что греки называли словом «аутопсия») – показание дошедшего до нас источника (иногда в большей или меньшей степени искаженное) – данные исторической науки (полученные в результате внешней и внутренней критики источников). Вся эта, как минимум, четырехчленная схема, по сути, есть цепочка отражения и преобразования исходной информации в процессе исторического познания [27]. Учет сложности и многослойности природы исторического факта важен потому, что на каждом

этапе преобразования, в каждом звене возможна потеря информации, ее искажение или «обогащение» дополнительными данными внеисточникового характера. Лишь после неукоснительного выполнения всей процедуры источниковедческого анализа и верификации ее результатов историк может получить научный факт, за которым на данном этапе исследования с высокой долей вероятности признается значение истины. А истинным в науке считается лишь логически доказанное знание, опирающееся на достоверные, твердо установленные и общепризнанные факты (соответствие утверждения реальности). Впрочем, постмодернизм и отпочковавшиеся от него «новый историзм» и «новая интеллектуальная история» объявляют вопросы об «истине» не имеющими ответа, а значит, и ненужными [22, 11].

Постмодернистский подход к нарративу и к историческому факту порождает такую интерпретацию прошлого, при которой оно в лучшем случае состоит из отдельных не связанных между собой фрагментов, к тому же неизменно искаженных в источниках-нарративах [28, 303–326]. Если говорить откровенно, то постмодернизм и производные от него интеллектуальные течения конца XX в. с почти неизменным определением «новый» фактически упраздняют историю как науку, а значит, и нашу специальность. Некоторые историки, работающие исключительно с текстами, поспешили признать, что адекватного ответа на постмодернистский вызов пока не найдено [29, 42]. Может быть, это и так, если игру вести только на поле, избранном постмодернистами. Но, как кажется, это поле слишком искусственно заужено и плотно огорожено, чтобы историки могли на нем проявить себя в полную силу.

В построениях сторонников постмодернистского взгляда на историю, как нам кажется, есть весьма слабое место которое, похоже, до сих пор не привлекало внимания исследователей. Они отождествляли и отождествляют исторические источники только с вербальными текстами, взятыми изолированно, да и то не со всеми, а чаще с нарративами типа «Истории» Геродота, специально написанными в расчете на прочтение в будущем. Тем самым, искусственно сужается возможность познания прошлого. Ведь современная наука история опирается отнюдь не только на нарративы. Даже среди письменных источников есть масса весьма надежных документов, в том числе эпиграфических, которые писались отнюдь не по «хотению» автора, а «на злобу дня». Например, это всем

известный текст законов Хаммурапи, высеченный на базальтовой стеле и поставленный для всеобщего обозрения в центре Вавилона, или еще неопубликованное мраморное надгробие Гипсикраты – жены Митридата Великого, обнаруженное в 2005 г. в ныне затопленной части греческого города Фанагории. Независимо от свидетельства Плутарха оно подтверждает факт реального существования этой весьма необычной для своего времени женщины. И не только подтверждает, но и дает историкам пищу для дальнейших размышлений. Оказывается Гипсикрата была погребена в далекой Фанагории, куда самого Митридата, бежавшего от легионов Помпея, фанагорийцы даже не пустили (Appian, Mithr.: 108).

Другой пример глубокого проникновения в прошлое без традиционного текста дают недавние сенсационные находки в местечке Калькризе близ г. Оснабрюк в Северо-Западной Германии. Начиная с 1987 г. здесь найдены сотни золотых, серебряных и медных монет эпохи императора Августа, а главное, свыше 1600 предметов снаряжения римских легионеров и даже человеческие останки (например, металлические детали римского шлема, буквально вбитые в череп погибшего римского легионера), разбросанные на площади свыше 50 га [30; 31]. Это страшные следы битвы в Тевтобургском лесу 9 г. н. э., когда херуски Арминия заманили вглубь Свободной Германии и уничтожили три римских легиона Публия Квинтилия Вара. Для германской историографии это сражение (так называемое «Varusschlacht») – знаковое событие, с него обычно начинают изучать германскую национальную историю. Раскопки в Калькризе не только подтвердили реальность и масштабы этой страшной битвы, но позволили существенно уточнить и скорректировать свидетельства Тацита, Диона Кассия и других античных авторов, как оказалось, отнюдь не бесспорные, так как большинство участников и очевидцев с римской стороны (18 тыс. легионеров) осталось лежать в Тевтобургском лесу, а всех пленных германцы принесли в жертву своим жестоким богам [32, 131–170]. Подобных археологических открытий, подтверждающих реальность исторических событий, ранее известных лишь из нарративной традиции (или вообще неизвестных), любой специалист по античной или средневековой археологии может привести немало.

Помимо этого эмпирического пути, кажется, есть возможность *теоретического опровержения* основного постулата постмодернистской филосо-

фии о принципиальной непознаваемости истории. Для этого исследователю нужно выйти за пределы текстов в вещный мир прошлого. Современная наука накопила огромный фонд археологических источников, которые специально никак не предназначались в качестве носителей информации о прошлом и поэтому несут в себе лишь «ненамеренное» сообщение [33, 42]. Они представляют остатки той реальной культуры (точнее – культур), которая была в прошлом. У ученых-археологов есть возможность прямого контакта с этими источниками, с этими непосредственными остатками прошлого. При этом следует подчеркнуть, что методы получения информации из вещественных источников совсем иные, нежели в литературоведении или традиционном историческом источниковедении. Во многом они ближе методам, применяемым современными естественными науками, откуда они собственно и были заимствованы археологами (стратиграфический метод – из геологии, эволюционно-типологический – из биологии, математические – из статистики и т. д.). А главное, при анализе археологических памятников мы получаем информацию о прошлом независимо от источников исторических в традиционном понимании этого слова (и даже при полном их отсутствии, например, в первобытной археологии). В этом смысле археология обладает известной автономией познания прошлого, в перспективе неограниченного в сравнении с традиционными вербальными источниками. Поэтому далеко не случайно известнейший французский археолог Анри Леруа-Гуран в свое время назвал свою статью о первобытной археологии «История без текстов» [34].

На заре постмодернизма Франсуа Артог написал любопытную книгу-эссе «Зеркало Геродота», в котором Скифия изображена чуть ли не как продукт чисто литературного творчества «отца истории» [35]. Если принимать на веру заключения французского историка, то даже вполне внятно описанные Геродотом скифские реалии являются не более чем репрезентацией «Другого»: то ли чисто литературной авторской фикцией, необходимой для обрамления основного сюжета «Истории» – борьбы эллинов с персами, то ли смутными отголосками этнографической скифской действительности. Надо признать, что если исходить только из анализа текста «Истории» Геродота, то это заключение опровергнуть практически невозможно. Но ведь известно, что, помимо Геродота, Скифию описывали и другие авторы, в том числе его младший современник, известный под именем

Псевдо-Гиппократ (De aere: 20–30). Для нашей темы существенно то, что последнего скифы интерпретировали не как историка, а просто как медика.

Однако даже не это главное. Важно то, что по культуре Геродотовой Скифии сейчас накоплен огромный фонд археологических источников (выборка только погребальных курганных комплексов превышает 7000!), достаточно хорошо изученный специалистами. Сам по себе он дает весьма впечатляющую картину жизни скифов, в чем-то подтверждающую сообщения «скифского логоса», в чем-то весьма существенно ее корректирующую. Известно, что в «скифском логосе» оказались так называемые «мнимые реальности», которые существовали только в представлениях историка, его информаторов и современников [36, 183–191]. Но благодаря именно археологии (антропологии, языкознанию и другим смежным дисциплинам) они рано или поздно опознаются и исключаются из области научных фактов скифологии.

Для нашей темы весьма существенно еще одно обстоятельство. К началу XXI в. информационный потенциал античных нарративов, например о той же Скифии, во многом уже исчерпан, тогда как фонд археологических источников скифологии пополняется ежегодно. А значит, неуклонно повышается плотность информационного поля скифской культуры. Поэтому каждое поколение скифологов находит новые аспекты постижения Скифии, в том числе в понимании неясных или неоднозначных свидетельств того же Геродота.

Давно доказано, причем не только эмпирически, но и теоретически, что археологические источники содержат весьма достоверную и разнообразную информацию о прошлом. Ведь под каким бы углом мы не смотрели на историю, невозможно отрицать гениального прозрения К. Маркса и Ф. Энгельса: «история – не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» [37, 102]. Творчество, креативность как важнейшей атрибут чело-веческой деятельности с последующим опредмечиванием («реификацией»), по крайней мере, значительной части ее результатов признают все трезво мыслящие современные историки, философы, культурологи. Исследователь прошлого должен заниматься, прежде всего, тем, что и как люди делают, а не только тем, что они об это говорят или пишут, то есть только модным ныне «дискурсом». Археология исследует материальные остатки и следы этой деятельности, причем совсем независимо от субъективности исторических текстов и искажений попавшей в них информации.

Одна этнографическая универсалия гласит: «Человек видим тогда, когда к его телу прилегают вещи» [38, 192]. В прошлом они выполняли не только чисто утилитарные функции, но и служили знаком человека, знаком его социального состояния. А окружающий людей мир артефактов составляет уже систему, в известной мере, подобную тексту и поэтому подлежащую более или менее однозначному прочтению всеми специалистами. В археологии признаки артефактов играют роль алфавита, а типы вещей можно уподобить словам, из которых складывается «код» той или иной археологической культуры [39, 285]⁵. При этом сам набор артефактов в составе археологического комплекса, как правило, далеко не случаен, что наглядно подтверждает его многократная повторяемость, например, в качестве сопровождающего погребального инвентаря одной и той же археологической культуры. Здесь уместно напомнить, что со времени И. Канта именно повторяемость явлений считается одним из условий познания научной истины. То же свойство повторяемости археологических комплексов, в том числе вновь открываемых, позволяет рано или поздно избавиться от археологических фикций, которые время от времени появляются в археологии [40, 13–23].

Итак, постоянное умножение и уплотнение «мира вещей» благодаря прогрессу цивилизации, с одной стороны, а также кропотливому труду тысяч археологов, с другой, объективно создает предпосылки для все более надежных историко-археологических исследований. Здесь уместно еще раз подчеркнуть, что в основе современных археологических реконструкций лежит вовсе не воображение для соединения разрозненных частей в целое, как до сих пор думают некоторые историки, а строгая, во многом формализованная процедура анализа вещественных источников. Она позволяет разным специалистам приходиться к весьма однозначным или близким заключениям по крайней мере на уровне археологического анализа источников. Вполне независимая от исторического нарратива археология вместе со смежными дисциплинами служит своего рода зеркалом доистории и ранней истории. Заметим – не только их.

Вещественные свидетельства бесстрастно маркируют события и явления любого, в том числе и не такого уж отдаленного прошлого, например, Вторую мировую войну (многочисленные следы сражений в виде остатков окопов, траншей на наших полях,

⁵ Правда, в других работах этот исследователь допускает существование исторических реалий и вне текстов.

братские могилы в селах) или страшные сооружения фашизма (Освенцим, Бухенвальд), руины, оставшиеся от Великих строек социализма или простые колхозные фермы. Их историческое значение, безусловно, станет возрастать по мере того, как будет стираться память живых свидетелей и уцелевших участников этих событий всемирно-исторического масштаба. О принципиальной значимости таких объектов для изучения Нового и Новейшего времени свидетельствует грандиозная программа мемориализации французской национальной истории в ее памятниках [41]. Их определяют как «зримые следы на земной поверхности различных природных и человеческих феноменов» [42, 5–22]. В США сейчас активно развивается так называемая «историческая археология», сосредоточившая свои основные усилия на исследовании объектов XVII–XX вв. (лагеря повстанцев эпохи войны за независимость, усадьбы рабовладельцев Юга, фабрики, заводы и другие промышленные сооружения). Все более актуальным становится афоризм американского антрополога А. Клэфема «Археология начинается там, где кончается живая память» [43, 5].

В конечном итоге вся история археологична по самой своей природе [44, 391]. Эта мысль Поля Вена выражена в духе «археологии знания» М. Фуко. Но она более чем справедлива и в отношении традиционного археологического познания. По своим источникам археология – наука в высшей степени реалистическая (от первоначального смысла латинского слова *res*, которое означало просто «вещь»). Она опирается на многочисленные реалии вне текста – вещественные памятники, материальные остатки, артефакты. Пожалуй, как ни одна гуманитарная наука, археология опровергает базовый тезис постмодернизма и наглядно демонстрирует, что есть нечто важное «до» и «помимо» записанного текста. Наверное, по этой причине среди серьезных археологов нет постмодернистов, хотя определенные попытки применения модных постмодернистских идей известны, например, в Англии среди археологов-теоретиков постструктуралистского направления вроде Яна Ходдера [45; 46; 47, 183–216; 48, 217–242]. Я убежден, что для преодоления кризисных явлений современной исторической эпистемологии и шире – для понимания меняющейся во времени природы человека и его культуры – очень много может дать последовательное сопоставление «мира текстов» и окружающего его «мира вещей».

Нередко археологи, изучающие исторические эпохи, получают картину «не совсем того прошло-

го», которое реконструируется по нарративам. И это вполне понятно, так как письменные и вещественные источники чаще всего отражают разные стороны ушедшей действительности: первые, лишь то, что в силу субъективных причин привлекло внимание и поэтому попало в поле зрения древнего автора, вторые – лишь то, что выпало (на поселениях) или было умышленно выведено (сопровождающий инвентарь погребений, клады) из живой культуры прошлого и поэтому сохранилось до нашего времени в ископаемом виде как ее остатки. Но иногда – и это надо подчеркнуть особо – обе реконструкции во многом совпадают, расходясь лишь в деталях. На наш взгляд, сами эти расхождения представляют немалый научный интерес для исследователей, так как рано или поздно позволяют установить причину и степень искажения информации о прошлом в том или ином источнике.

И здесь мы сталкиваемся с удивительным феноменом, который до сих пор остается вне исторической или философской рефлексии – сопоставление данных нарративных и вещественных источников позволяет получить принципиально новое знание, которое невозможно было бы извлечь из тех же источников при самом углубленном их анализе порознь. В этом нет ничего мистического – таков результат правильно проведенных междисциплинарных исследований [49, 11–12]. При этом по мере развития науки поле, заполненное таким достоверным и взаимокоррелируемым знанием, неуклонно возрастает. В самой возможности сопоставления весьма многочисленных, но, как правило, многозначных данных археологии, имеющих надежную пространственно-временную привязку, и результатов анализа нарративной традиции, менее определенной в этом отношении, но несущей некоторую историческую информацию о прошлом, мы видим единственную возможность придать нашим реконструкциям известную историческую конкретность.

Мысль современного исследователя пытается проникнуть в глубины прошлого, которые не были очевидны для тех, кто оставил нам эти источники, – как известно, они многих явлений просто не замечали [50, 42]. И здесь очень много дает междисциплинарный синтез, который, несмотря на все его недостатки, остается более чем актуальным. С эвристической точки зрения, использование в одном исследовании различных видов исторических источников (не путать с так называемой «смешанной аргументацией!»), а точнее – сопоставление результатов их независимого анализа специали-

тами – открывает широкие возможности для постижения прошлого, глубинной сущности тех или иных исторических феноменов. Автор неоднократно убеждался в этом на материалах скифской, сарматской и античной истории, испытывая редкое, но удивительное чувство мгновенного озарения в момент совпадения данных разных видов источников [51, 155–156; 52, 131–140]. Да и Троя, которая многими поколениями филологов и историков считалась продуктом поэтического воображения Гомера, в конце концов, была открыта Г. Шлиманом в раскопе. И сразу стали понятны многие гомеровские реалии, которые до того считались чистым поэтическим вымыслом. Филолог резонно возражает, что «град Приама» был найден потому, что Генрих Шлиман руководствовался текстом Гомера [22, 12]. Это так. Но как быть с открытиями археологами сотен и тысяч «других Трой», в силу разных обстоятельств не попавших в тексты (или существовавших еще до появления текстов). Как быть с открытием древнеегипетской и почти всей ближневосточной литературы – папирусы и клинописные глиняные таблички также появились на свет Божий из раскопов. Таково происхождение и древнейших русских нарративов – новгородских берестяных грамот, число которых вот-вот перевалит за тысячу.

Но вернемся к нашей теме. Попад под удар «постмодернистского вызова», некоторые историки заколебались и, пусть с оговорками, признали неопровержимость основополагающего постмодернистского тезиса [53, 190–201]. Другие вынуждены были согласиться с ним хотя бы в том, что в принципе нет уверенности в *возможности адекватного истолкования* современным историком текста, написанного много столетий назад [29, 40]. Если текст уникален, то с этим еще можно согласиться. Но когда мы имеем не один нарратив, а несколько текстов, принадлежащих разным авторам, да еще независимые данные других наук, например археологии или антропологии, то в распоряжении исследователя прошлого оказывается весьма надежная информационная система с таким числом жестких узлов связей, как, например, в кристаллической решетке минерала. Они-то максимально сужают саму возможность произвольной интерпретации этих источников историком и даже в немалой степени детерминируют в определенном направлении сам процесс вывода из источников нового объективного знания. При этом в современном междисциплинарном исследовании происходит не простое механическое суммирование дан-

ных различных наук, а поиск в них внутренней системы, отражающей глубинную сущность изучаемых объектов. С другой стороны, такой подход вносит в процесс познания прошлого столь необходимый момент проверки и самоконтроля хода мысли самого исследователя. Это весьма надежное средство вскрывать и ограничивать субъективный компонент, а то и откровенно предвзятые идеи, нередко присутствующие в гуманитарном знании [33, 400].

Безусловно, постмодернизм – главный возмутитель спокойствия среди гуманитариев, в том числе и историков последних десятилетий XX в. Но если непредвзято посмотреть на результаты, то в самой исторической науке серьезного вклада ученых, в той или иной степени принявших постмодернистскую парадигму, и тем более ожидаемого научного прорыва, что-то не заметно. Главное обвинение, предъявляемое постмодернизму, – это его научная бесплодность [4, 317]. Кроме агрессивной критики источниковедческой составляющей нашей науки и остроумных эссе, сторонники постмодернистского подхода к истории пока себя никак особо не проявили (и, кажется, вряд ли проявят в будущем). Их действительно «новая история» так и не появилась, зато появилось много новых названий: «новая философия истории», «новый историзм», «новая историография», «новая культурная» и «новая интеллектуальная история» и др.

По существу постмодернизм во всех его проявлениях представляет попытку замещения историзма – одного из важнейших элементов европейской ментальности – мышлением принципиально иного нерационального типа, где абсолютно доминирует презентизм. Я думаю, что если оценивать трезво, все же именно историзм (не путать с умозрительным философским историцизмом!), несмотря на ожесточенную критику со стороны постмодернизма и других новомодных «измов», продолжает на деле оставаться наиболее влиятельной теорией современной исторической мысли. На это прямо указывают не только впечатляющие результаты конкретных исследований многих западноевропейских историков [54], но и солидные теоретические труды [55; 56; 57], лишь на первый взгляд затененные многочисленными и крикливыми публикациями, написанными в постмодернистском духе. Об этом прямо свидетельствуют откровенные признания современных европейских мыслителей, в той или иной мере отдавших дань постмодернизму. Так, Ф. Р. Анкерсмит в конце своего весьма

сочувственного исследования «постмодернистского переворота» в истории вынужден признать: «Никакая историческая теория не обладает большим и заслуженным триумфом, чем историзм» [11, 425–426]. Во всяком случае именно историзм, а не многочисленные «микроистории» (значение которых, разумеется, не следует принижать для изучения конкретных исторических казусов, но не нужно слишком и переоценивать) служит не только основополагающим научным принципом, но и главным «механизмом», генерирующим новые знания о прошлом [58, 16–21].

Более того, в последнее время стало ясно, что сама по себе «микроистория» (как, впрочем, и «новая интеллектуальная история» или «историческая антропология») невозможна как самостоятельная перспектива по отношению к распавшейся «макроистории». Если внимательно читать самые разные труды по «микроистории», то нельзя не заметить, что их проблематика и даже понятийный аппарат во многом заимствованы у традиционной «макроистории» [59, 166–183]. Но, кажется, главное в другом – многочисленные «микроистории» получают некий смысл только благодаря имплицитному соотнесению с «Большими нарративами». Впрочем, это хорошо понимали уже историки XIX в., в частности, И. Дройзен. Именно ему принадлежит знаменитый афоризм: «за историями находится История» [60, 358]. Как микроскоп не исключает из науки телескопа, так и «микроистория» с присущей ей зоркостью, но в то же время и узостью профессионального взгляда, не может заполнить все огромное поле исторических исследований. Да и все ли казусы, которые с таким удовольствием сейчас изучает «микроисторик», можно считать действительно историческими?

Но главная опасность ухода в «микроистории» состоит все же не в том, что раньше у нас называли мелкотемьем. Мы на новейшем российском опыте только что получили горький урок – недостаточное внимание к «макроистории» сразу порождает феномен Фоменко. Именно он и его активные последователи почти заполнили тот домен, который по праву должны держать (но не держат!) профессиональные историки. Это другая сторона явления, имя которому тоже постмодернизм. Этот урок еще раз показал нам, что нельзя изучать только отдельные, пусть и важные части живого тела истории (как выразился наш великий сагирик – «что-то там в носу»). Кто-то должен пытаться собрать их в единое целое, иначе мы за отдельными деревьями никогда не увидим леса. А вообще-то, кем является на деле

исследователь прошлого – «макро-» или «микроисториком» – в первую очередь зависит от него самого: от его склада ума, профессиональной подготовки, склонности к разысканию архивных материалов и прочих первоисточников, к анализу «казусов» или же к исследованию и осмыслению тенденций и процессов исторического развития, из чего может вырасти новый «Большой нарратив». Но в этом случае уже никак не обойтись без генерализации, без выхода во внетекстовую реальность. О том, что «Большой нарратив» не умер как жанр историописания, свидетельствуют ширококомасштабные проекты многотомных универсальных и национальных историй как в нашей стране, так особенно и за рубежом [61, 373].

Давно уже стало ясно, что критика постмодернизма, показывающая сомнительность применяемых им методологических приемов, его совсем не уязвляет [62, 10]. Поэтому наши размышления имеют целью вовсе не критику его как такового, а лишь тех его порождений, которые пытаются паразитировать на живом древе исторического познания. Теоретическая несостоятельность «лингвистического переворота» особенно очевидна в контексте археологических исследований прошлого. По поводу же постмодернистской атаки на историю можно вспомнить слова старой восточной мудрости: «Собака лает, а караван идет». Историческая наука без особых потерь выдержала и эту проверку на прочность. Она по-прежнему продолжает жить, по образному выражению А. Я. Гуревича, на проценты от капитала, созданного стариками [50]. Правда иногда кажется, что историки, читающие и иную литературу помимо той, которую требует их узкая специализация, отнеслись к теориям постмодернистов слишком уж серьезно. Высказана даже ерническая мысль, что все предназначение претендующих на новизну постмодернистских идей состояло только в том, чтобы помешать профессиональному историку заниматься своим прямым делом – исследовать прошлое *wie es eigentlich gewesen* [21].

Как часто случается в нашем отечестве, увлечение российских философов и историков постмодернизмом началось с большим опозданием, уже тогда, когда это интеллектуальное течение на Западе исчерпало себя и стало выходить из моды. Кажется, к счастью «новая постмодернистская парадигма» так и не успела войти в исследовательскую кухню подавляющего большинства историков-практиков, да и не могла войти из-за ее принципиальной враждебности истории. Ни одно из

новейших направлений, отпочковавшихся от постмодернизма, оказалось не способно предложить путь выхода из кризиса. К тому же за несколько потускневшим постмодернизмом образца 70–80-х гг. XX в. уже шагает новомодное интеллектуальное течение – «трансмодернизм» (after-postmodernism, после-постмодернизм) – плод компьютерной цивилизации и информационной революции XXI в. [62, 3–4]. И хранители прошлого должны быть интеллектуально готовы не только к новой, еще более агрессивной атаке на нашу науку, но и на само прошлое, которое все более становится из порождающей реальности реальностью лишь виртуальной [63]. Иначе место истории (причем, как «макро», так и «микро») окончательно займут «другие истории» и «новые хронологии», а также сетевые интерактивные игры на старые исторические сюжеты.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АМА – Античный мир и археология
ВДИ – Вестник древней истории
ВФ – Вопросы философии
НЛЮ – Новое литературное обозрение

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Савельева И. М. Перекрестки памяти / И. М. Савельева // П. Хаттон. История как искусство памяти. – СПб., 2003.
2. Андрей Буллер. О предмете и методе теории исторического познания // Логос. 2001. № 5-6. С.112-131.
3. Репина Л. П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории / Л.П. Репина // Одиссей. – М., 1996.
4. Деррида Ж. О грамматики / Ж Деррида. – М., 2000.
5. Юдельсон А. В. Хрестоматия постмодернистской истории / А. В. Юдельсон // Образы историографии : сб. науч. тр. – М., 2001.
6. Зверева Г. И. Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексии новой интеллектуальной истории / Г. И. Зверева // Одиссей. – М., 1996.
7. White H. Metahistory: Historical Imagination in the Nineteenth-century Europe / H. White. – Baltimor–London, 1973. (русс. изд: Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века / Х. Уайт. – Екатеринбург, 2002).
8. White H. The Historical Text as Literary Artefact / H. White // The Writing of History. Literary Form and Historical Understanding. – Madison – London, 1982.
9. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / Ф. Р. Анкерсмит. – М., 2003.
10. Lyotat J.-F. La condition postmoderne / J.-F. Lyotat. – Paris, 1979.

11. Анкерсмит Ф. Р. Историография и постмодернизм / Ф. Р. Анкерсмит // Современные методы преподавания новейшей истории : сб. науч. тр. – М., 1997.

12. Ankersmit F. R. Narrative logic. A semantic Analysis of the Historien's Language / F. R. Ankersmit. – Boston, 1983.

13. Бойцов М. А. Вперед, к Геродоту! / М. А. Бойцов // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. – М., 1999. – Вып.2.

14. Шартье Р. История сегодня: сомнения, вызовы, предложения / Р. Шартье // Одиссей. 1995. М., 1995.

15. Collingwood R. G. The Idea of History / R. G. Collingwood. – Oxford – New York, 1946.

16. Weinrich I. Narrative Strukturen in der Geschichtsschreibung / I. Weinrich // Geschichte – Ereignis und Erzählung : сб. науч. тр. – München, 1990.

17. Jäger St. Erzähltheorie und Geschichtswissenschaft / St. Jäger // Erzähltheorie transgenerisch, intermedial, interdisziplinär: Сб. науч. тр. – Trir, 2002.

18. Schönert J. Zum Status und zur disziplinäre Reichweite von Narratologie / Schönert // Geschichtsschreibung. Medien. Methoden. Strategien : сб. науч. тр. – Köln – Weimar – Wien, 2004.

19. Суриков И. Е. «Полиархия» или все-таки полис? Несколько замечаний по поводу одной недавней книги / И. Е. Суриков // Актуальные проблемы изучения и преподавания античной истории и археологии: Сб. науч. тр. – М., 2006.

20. Эко У. Постмодернизм, ирония, занимательность / У. Эко // Эко У. Имя розы. – М., 1989.

21. Балод А. Восемь ножей в спину науки, которая называется история // Электронный ресурс. Режим доступа <http://www.netslova.ru/balod/>.

22. Эткин А. Новый историзм, русская версия / А. Эткин // НЛЮ. 2001. № 47.

23. Lorenz Ch. Konstruktion der Vergangenheit. Eine Einführung in die Geschichts-theorie / Ch. Lorenz. – Köln, 1997.

24. Deconstructing History: Сб. науч. тр. – London – New-York, 1997.

25. Рикер П. Память, история, забвение / П. Рикер. – М., 2004.

26. Dosse F. L'Histoire en miettes / F. Dosse. – Paris, 1987.

27. Клейн Л. С. Глубина исторического факта и проблема реконверсии / Л.С. Клейн // Stratum plus: Междунар. журнал по археологии и культурной антропологии. – СПб., 1999. – № 6.

28. Rüsen J. Narrativität und Objectivität in der Geschichtswissenschaft / J. Rüsen // Metageschichte Hayden White und Paul Ricoeur : сб. науч. тр. – Baden-Baden, 1997.

29. Филюшкин А. И. Методологические инновации в современной российской науке (вместо предисловия) / А. И. Филюшкин // АСТНО NOVA 2000 : сб. науч. тр. – М., 2000.

30. Rom, Germanen und Ausgrabungen von Kalkrise : сб. науч. тр. – Osnabrück, 1999.

31. *Moosbauer G.* Römerschlacht im Osnabrücker Land: Forschungsstand und Perspektiven der Untersuchungen in Kalkrise, Stadt Bramsche, Ldkr. Osnabrück / Moosbauer G. // Vom Grosssteingrab zur Domburg: Festschrift für Wolfgang Schlüter : сб. науч. тр. – Osnabrück, 2003.
32. *Wolters R.* Hermenevtik des Hinterhalts: die antiken Berichte zur Varuskatas-trophe und der Fundplatz von Kalkrise / R. Wolters // *Klio*. – 2003. – Bd. 85. – Heft 1.
33. *Клейн Л. С.* Введение в теоретическую археологию. Кн.1. Метархеология / Л. С. Клейн. – СПб, 2004.
34. *Leroi-Gourhan F.* L'histoire sans texts: ethnologie et préhistoire / F. Leroi-Gourhan // *L'histoire et ses methods*. – Paris, 1961.
35. *Hartog F.* Le miroir d'Hérodote / F. Hartog. – Paris, 1980.
36. *Подосинов А. В.* «Мнимые реальности» в античных представлениях о Восточной Европе / А. В. Подосинов // *Восточная Европа в древности и Средневековье* : сб. науч. тр. – М., 2002.
37. *Маркс К.* Святое семейство / К. Маркс, Ф. Энгельс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-ое изд. Т. 2.
38. *Чеснов Я.В.* Лекции по исторической этнологии / Я. В. Чеснов. – М., 1998.
39. *Клейн Л. С.* Археологическая типология / Л. С. Клейн. – Л., 1991.
40. *Madsen T.* Archaeology between facts and fiction / T. Madsen // *Wither Archaeology Papers in Honor of Evžen Neustupny* : сб. науч. тр. – Praha, 1995.
41. *Аксер Е.* Франция – память / Е. Аксер, П. Нора и др. – СПб., 1999.
42. *Les Lieux de memoire* / Ed. by Pierre Nora. – Paris, 1986.
43. *Daniel G. E.* The idea of prehistoty / G. E. Daniel. – London, 1962.
44. *Вен П.* Как пишут историю. Опыт эпистемологии / П. Вен. – М., 2003.
45. *Hodder J.* The Archaeological Process. An Introduction. – Blackwell, 1999.
46. *Jonson M.* Archaeological Theory. An Introduction / M. Jonson. – Blackwell, 2003.
47. *Porr M.* Postmodern Archaeology in Great Britain / M. Porr // *Theorie in der Archäologie. Zur englischsprachigen Diskussion* : сб науч. тр. – New-York – München – Berlin, 1998.
48. *Kerig T.* Jan Hodder and British Archaeology: A Profile / T. Kerig // *Theorie in der Archäologie. Zur englischsprachigen Diskussion* : сб науч. тр. – New-York – München – Berlin, 1998.
49. *Haidle M. N.* Interdisziplinarität in der Archäologie: eine Notwendigkeit? / M. N. Haidle // *Archäologische Informationen*, 1998. № 21/1.
50. *Гуревич А. Я.* История в человеческом измерении (размышления медиевиста) / А. Я. Гуревич // *НЛЮ*, 2005, № 75.
51. *Медведев А. П.* Античная традиция и археологические реалии на Среднем и Верхнем Дону (проблемы этнокультурной интерпретации) / А. П. Медведев // *ВДИ*, 2002, № 3.
52. *Медведев А.П.* Гелон Геродота: к проблеме соотношения античного нарратива и историко-археологических реалий / А. П. Медведев // *АМА. Саратов*, 2002. – Вып.11.
53. *Глебов С.* «The Story of Us»: Прошлое и перспективы модернизации гуманитарного знания глазами историков / С. Глебов, М. Могильнер и др. // *НЛЮ*, 2003. – № 59.
54. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV –XVIII вв. / Ф. Бродель. – М., Т. 1. – 1986, Т. 2. – 1988, Т.3 – 1992.
55. *Rüsen J.* Konfigurationen des Historismus. Studien zur deutschen Wissenschafts-kultur / J. Rüsen. – Frankfurt a. M., 1993.
56. *Oexle O.G.* Geschichtswissenschaft im Zeichen des Historismus/ O.G. Oexle. – Göttingen, 1996;
57. *Historismus am Ende des 20. Jahrhunderts. Eine internationale Diskussion* : сб. науч. тр. – Berlin, 1997.
58. *Тош Дж.* Стремление к истине / Дж. Тош. – М., 2000.
59. *Копосов Н.Е.* О невозможности микроистории / Н.Е. Копосов // *Историк в поиске. Микро- и макро-подходы к изучению прошлого* : сб науч. тр. – М., 1999.
60. *Dreysen J.G.* Historik1958. Vorlesungen über Enzyklopädie und Methodologie der Geschichte / J.G. Dreysen. – München –Berlin, 1958.
61. *Савельева И.М.* Знание о прошлом: теория и история. Ч.1 / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – СПб., 2003.
62. *Кутырев В.А.* Философия иного, или Небытийный смысл трансмодернизма / В. А. Кутырев // *ВФ*, 2005.
63. *Виртуальная реальность* : сб. науч. тр. – М., 1998.